

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

ББК 60.01

Б 20

Р.С. Балаев,

аспирант кафедры философии и гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия», г. Ставрополь, тел.: 8(88782)-29-35-65, e-mail: leghebokov@yandex.ru

СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ И «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВАКУУМА» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется проблема формирования социальных страхов и «экзистенциального вакуума» в условиях сетевых войн. Подчеркивается, что одной из главных целей воздействия сетевых войн является разрушение смыслового единства мира и человека, изоляция, ценностно-смысловая дезориентация человека, замена подлинных смыслов и ценностей человеческого бытия.

Ключевые слова: сетевые войны, страхи, угрозы, социальная безопасность, экзистенциальный вакуум.

R.S. Balaev,

Post-graduate student of Philosophy and Humanities, FGBOU VPO "North-Caucasian State Humanitarian-Technological Academy", Stavropol, ph.: 8 (88782)29-35-65, e-mail: leghebokov@yandex.ru

NETWORK WARFARE AS THE DOMINANT FACTOR IN THE FORMATION OF SOCIAL FEARS AND “EXISTENTIAL VACUUM” IN MODERN SOCIETY

Abstract. An analysis is made of the problem of the formation of social fears and “existential vacuum” in terms of network wars. It is emphasized that one of the main aims of the network war effects is the destruction of the semantic unity of the world and personality, isolation, value-sense human disorientation, replacing of the true meanings and values of human life.

Keywords: network wars, fears, threats, social security, “existential vacuum”.

Глобальные социокультурные трансформации в обществе «тотального риска» детерминируют изменение адаптационных механизмов человека, деформируют систему его безопасности, в связи с чем усиливаются чувства страха, бессилия и

незащищенности. У. Бек лаконично охарактеризовал современное общество: «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: «Я хочу есть!». Движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!». Место общности

нужды занимает общность страха» [1; 60]. В условиях информационных войн проблема социального страха приобретает наибольшую актуальность, т.к. данное социокультурное явление, выполняя оценочную функцию опасностей и угроз в обществе, приобретает массовый и специфический «сетевой характер», что максимизирует его «паралитическое» действие.

На протяжении всей истории человечества всегда создавались и использовались техники воздействия на психику масс в целях реализации пропагандистских мероприятий, устрашения и манипулирования сознанием и поведением. Целью любой информационной войны, по сути дела, является формирование моделей поведения противника путем воздействия на его сознание и мировоззрение. Интенсивное развитие сетевой коммуникации и зависимость от нее современного общества позволяют наиболее эффективно осуществлять подобные цели и задачи информационных войн, усиливающих социальную напряженность и углубляющих социальные страхи. Одним из сильнейших средств информационно-психологического воздействия и инструментом управления является чувство страха.

Страх как социокультурное явление возникает в том случае, если человек получает информацию о потенциальной опасности. Интенсивность страха регулируется объемом и содержанием самой информации об опасностях и угрозах, поэтому эффект восприятия «страшного» материала, в первую очередь, зависит от силы его воздействия. Человек обязательно обратит внимание на информацию, вызывающую испуг. Например, в социальных сетях любой пользователь может увидеть ужасающие кадры, снятые камерами сотовых телефонов, сообщения о многочисленных жертвах, но не показанных в целях правомерного расследования, или информа-

цию о захваченных территориях, фотографии, обрывки съёмок с беспорядочной стрельбой, мест после обстрелов, без уточнения времени и географического расположения, что увеличивает состояние массового психоза. Безусловно, самым действенным видом страха является страх смерти. Так, зачастую, в процессе сетевой войны, применяя все виды коммуникации, террористы и радикальные экстремисты используют именно этот экзистенциальный компонент человеческой жизни как мощное средство достижения целей террористических и экстремистских группировок.

Современная ситуация характеризуется тем, что террористическая угроза распространилась практически на все сферы социального бытия человека и стала сопровождать его жизнедеятельность и социальную активность. Одним из значимых факторов распространения террористических угроз можно назвать сенсационную подачу информации о террористических намерениях и актах, а также причастных к ним людей, в средствах массовой коммуникации. Сетевые коммуникативные технологии способствуют нагнетанию массового страха в современном обществе, что обусловлено, по крайней мере, двумя факторами.

Во-первых, тем, что инфокоммуникативные технологии приобрели статус доминирующего фактора современного развития и радикально изменили систему общественных отношений, определив специфику экономики, политики и культуры. Они качественно поменяли структуру гражданского общества [2; 111]. Посредством глобальной сети гиперактивно осуществляется передача устрашающего материала адресату – массовому пользователю. Большое количество информации, ретранслируемое СМИ, с трудом поддающейся проверке, порождает панические слухи и предположения, что может спровоцировать массовые страхи и истерию.

Во-вторых, особенностью ценностного сознания современного человека, или его «жизненного мира». Как отмечает Е.А. Сергодеева, «жизненный мир современного человека отличается «хаотизацией» ценностей, распатанностью их былой иерархии, многозначностью связей между целями, средствами и результатами поступков» [3; 46]. Доминирующей идеей сетевой войны, как вида информационной войны, является непрерывное воздействие на человека и общество посредством информации в целях идеологического влияния и пропаганды, направленных на формирование общественного мнения в нужном манипуляторам аспекте. По сути дела, любая «сетевая война ведет к разрушению базовых ценностей народа и государства, национальной, конфессиональной и культурной идентичности, также информационный и идеологический вакуум ограничивает стратегический выбор страны в глобализирующемся мире и делает ее частью системы планетарного контроля» [4; 96].

Объектом сетевой войны является массовое и индивидуальное сознание. А. Манойло выделяет шесть составляющих воздействия на массовое и индивидуальное сознание: дезинформирование, лоббирование, манипулирование, пропаганда, управление кризисами, шантаж [5]. Информационное воздействие в условиях сетевых войн содержит искажение фактов или навязывает аудитории эмоциональное восприятие, выгодное стороне агрессора. Как правило, используемая дезинформация ведет к возбуждению чувства страха у населения, что является действенным фактором изменения моделей поведения людей. Г. Почепцов отмечает, что информационные войны часто не различаются между собой, но они четко делятся на два разных «крыла»: технические и гуманитарные информационные войны. В свою очередь, гуманитарные информа-

ционные войны можно разделить на два других типа: информационные войны и смысловые войны. По мнению Г. Почепцова, если просто информационные войны имеют дело с подачей новых фактов, то смысловые войны работают с реинтерпретацией имеющихся фактов. Смысловые войны направлены на разрушение картины мира объекта, что в результате приводит к тем типам решений, которые он не принял бы при старой картине мира. Их инструментарием могут быть не только прямые, но и фоновые воздействия, не только информационные операции, но и операции влияния. Главным же отличием становится их долгосрочный характер, поэтому в сегодняшнем времени такие воздействия могут проходить вне внимания объекта воздействия [6].

В статье «Первая смысловая война в мире (Украина, Крым, Россия)» Г. Почепцов обозначает, что «смысловая война в норме представляет собой использование чужих смыслов. Экспансия же России держалась на старых, а не новых для аудитории смыслах, на активации и удержании советских ментальных конструкций. Русско-украинская смысловая война реализовалась в постоянной реинтерпретации происходящего, когда из двух альтернативных источников для описания избирается тот, который более соответствует запланированным целям войны. Например, усиление негативной характеристики противника: «боевики», «каратели», «карательная операция» и т.п.» [7]. Можно заключить, что современные сетевые войны, наиболее отчетливо проявляя свойства смысловых войн, оказывают сильное влияние на эмоционально-оценочную сферу человека, деформируют систему экзистенциальной безопасности, базовые смысловые и ценностные ориентиры, что вызывает социальный страх, агрессию, апатию и эскапизм.

В.А. Иванова и В.Н. Шубкин выделяют четыре больших комплекса страхов. Во-первых, это синдром общей тревожности, при котором людей беспокоит все, что может не только внести ощутимый беспорядок в сферу повседневной жизни, но и повлечь за собой идеологическую и мировоззренческую разобщенность людей. Во-вторых, это комплекс страхов, связанный с проблемами социальной и экономической адаптации. В-третьих, страхи, к которым приводит ощущение незащищенности и несправедливости. В-четвертых, это страхи, формирование которых связано с масштабными проблемами и кризисными ситуациями, непрогнозируемыми и неподконтрольными обычному человеку [8; 23–27]. Следует отметить, что массовые социальные страхи отражают специфику функционирования современного общества и возникают в процессе социально-психологической адаптации к изменениям среды, а соответственно, способствуют выработке определенных моделей поведения и реакций в целях предотвращения и преодоления опасностей и угроз существованию общества. В данном контексте страх является показателем реальных и потенциальных угроз, социальных аномий общественного развития, выступает в самых разнообразных защитных реакциях, как агрессия, рост девиаций, дезадаптации, и т.п., но страх также может повлечь за собой и пассивную реакцию. Выделяют два типа пассивного реагирования на страхи: апатию и эскапизм. Апатия наступает в периоды социальной мобилизации, когда люди считают, что от них ничего не зависит, и они ничего не могут сделать, даже если убеждены в негативном ходе событий. Эскапизм – это крайняя форма такой реакции, при которой люди игнорируют угрозы и считают, что их не существует, несмотря на поступающую информацию.

В условиях динамичности сетевой коммуникации и использования ее как эффективного оружия смысловых войн в современном обществе становится возможным такое последствие распространения социального страха, как «экзистенциальный вакуум» личности. Неопределенность и бессилие в кризисных ситуациях зачастую формируют социальное настроение бессмысленности жизни. В. Франкл во многих своих работах говорит об «экзистенциальном вакууме» как своего рода болезни XX века, эпохи перемен и разрушений, когда люди почувствовали себя оторванными от традиционных ценностей и теряющими опору. «В противоположность предельным переживаниям, – пишет В. Франкл в своем труде «Человек в поисках смысла», – экзистенциальный вакуум можно считать переживанием бездны» [9; 308]. То есть «экзистенциальный вакуум» – это ощущение внутренней пустоты, формирующееся у человека в результате бегства или отказа от жизненных целей, уникальных смыслов и личных ценностей. Экзистенциальная фрустрация является следствием фрустрированности стремления к смыслу и может переживаться в форме апатии и скуки. Итогом распространения «экзистенциального вакуума» и экзистенциальной фрустрации выступает повсеместная невротизация человечества, описывая которую, В. Франкл использует термин «массовая невротическая триада»: депрессия, увеличивающая число самоубийств; наркомания, причиной которой являются низкие жизненные цели, ощущение бессмысленности; агрессия как следствие «экзистенциального вакуума», вызывающая повышение уровня преступности. Перечисленная «невротическая триада» в современном обществе является, к сожалению, не редким явлением, и сетевые информационные воздействия во

многим определяют степень их интенсивности.

Таким образом, одна из целей воздействия сетевых войн – это разрушение смыслового единства мира и человека, изоляция, ценностно-смысловая дезориентация человека, замена подлинных смыслов и ценностей человеческого бытия. Поэтому фронт сетевой войны располагается в ментальном пространстве, где це-

лю агрессора является деформация традиционных базовых ценностей, когнитивная сфера, определяющая типы и модели поведения. В связи с этим сетевую войну можно определить как фактор формирования социальных страхов и «экзистенциального вакуума», т.к. информационное пространство активно воздействует на общественные отношения и сферу безопасности.

Примечания:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
2. Лежебоков А.А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 4 (37). С. 111.
3. Сергодеева Е.А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. 2013. № 6. С. 46.
4. Орлов И.Б. Сетевые войны – угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: материалы Всерос. науч. конф. М., 2010.
5. См.: Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text24/0022.htm>
6. См.: Почепцов Г. Медиавойны: от информационных до смысловых. URL: <http://psyfactor.org/psyops/mediawar3.htm>
7. См.: Почепцов Г. Первая смысловая война в мире (Украина, Крым, Россия). URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar27.htm>
8. См.: Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 23–27.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

References:

1. Beck, U. Risk Society. On the way to another modern. Moscow, 2000.
2. Lezhebokov A.A. Socio-cultural status of local government in the structure of civil society // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2013. № 4 (37). P. 111.
3. Sergodeeva E.A. Suspicion as a phenomenon of modern culture // Philosophical Sciences. 2013. № 6. P. 46.
4. Orlov I.B. Network war – a threat to national security of Russia // National security: the scientific and public administrative contents: All-Russian Scientific. Conf. Moscow, 2010.
5. See Manoilo A.V State information policy in special circumstances. M. : MIFI 2003 // URL :: <http://www.eartist.narod.ru/text24/0022.htm>
6. See Pocheptsov G. Mediawars: from information to meaning // Access: <http://psyfactor.org/psyops/mediawar3.htm>
7. See Pocheptsov G.: The first semantic war in the world (Ukraine, Crimea, Russia) // Access: <http://psyfactor.org/psyops/infowar27.htm>
8. See Ivanov V.A., Shubkin V.N. Mass anxiety of Russians as an obstacle to the integration of society // Sociological researches. 2005. № 2. Pp. 23–27.
9. Frankl V. Man in search of meaning. M., 1990.